

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М98

Guillaume Musso

DEMAIN

Copyright © XO Éditions, 2013. All rights reserved.

Перевод с французского *Е. Кожевниковой*

Оформление *А. Саукова*

Мюссо, Гийом.

М98 Завтра / Гийом Мюссо ; [пер. с фр.
Е. Л. Кожевниковой]. — Москва : Издательст-
во «Э», 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-699-97058-2

Он — профессор философии в Бостонском университете, который горько оплакивает смерть жены.

Она — сомелье в нью-йоркском ресторане, которая недавно рассталась с любимым человеком.

Казалось бы — у них нет шансов встретиться.

Но в наш век высоких технологий возможно всё.

Мэтью становится владельцем ноутбука, некогда принадлежавшего Эмме, — так начинается их знакомство.

А когда он понимает, что его новая приятельница живет в 2010 году, а он — в 2011-м, у него созревает дерзкий план.

Теперь судьба Мэтью — в Эмминых руках. Ведь еще год назад его жена была жива, а значит, ее гибель можно предотвратить. Главное — уговорить Эмму ему помочь...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Кожевникова Е.,
перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97058-2

Любовь, известно, где не пройдет,
сумеет пролететь.

У. Шекспир «Два веронца»

Часть первая

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

1

Среди призраков

Мы не те, кого показывает
нам зеркало. Мы те, кто от-
ражается в сияющих глазах.

Тарун Дж. Теджпал¹

Гарвардский университет

Кембридж

19 декабря 2011 г.

Амфитеатр переполнен студентами, но в аудитории мертвая тишина.

Стрелки на бронзовом циферблате старинных настенных часов показали два часа сорок пять минут. Лекция по философии молодого преподавателя Мэтью Шапиро близилась к концу.

Эрика Стюарт, студентка двадцати двух лет, сидела на первом ряду и не сводила с преподавателя глаз. Вот уже целый час она безуспешно пыталась при-

¹ Тарун Дж. Теджпал — знаменитый индийский журналист и главный редактор популярного еженедельника, включенный журналом «Business Week» в число пятидесяти людей, которые меняют современную Азию. Автор романа «Алхимия желания».

влечь к себе его внимание, согласно кивая каждому его замечанию и всем своим видом показывая, как завороженно она его слушает. Усилия пропадали втуне, однако безразличие преподавателя делало его образ еще притягательнее.

Моложавое лицо, короткая стрижка и проби- вающаяся борода наделяли Мэтью Шапиро не- обыкновенным шармом в глазах студенток, и не одна вздыхала о нем. Потертые джинсы, высокие ботинки, водолазка — Мэтью был похож скорее на студента или аспиранта, чем на своих коллег, что с суровым видом шествовали по студенческо- му городку. Однако привлекательная внешность была не главным его достоинством, главным было красноречие.

Мэтью Шапиро был одним из самых популяр- ных преподавателей в студенческом городке. Он преподавал в Кембридже пять лет, и на его лекции с каждым годом приходило все больше студентов. Молва о нем ширилась, и вот уже чуть ли не восемь сотен студентов записалось в следующем семестре на курс лекций по философии. Теперь преподава- тель вынужден был их читать в самой большой из аудиторий Север-холла.

«Если философия не избавляет ум от страданий, она бесполезна».

Каллиграфически выведенная на доске максима Эпикура выражала суть лекций Мэтью.

Он стремился, чтобы его лекции были понят- ными и полезными беседами, и не любил загро- мождать их абстрактным теоретизированием. Поводом к рассуждению всякий раз становился ре-

альный случай. Мэтью начинал беседу с разговора об обыденной студенческой жизни, с обсуждения проблем, знакомых каждому студенту: страха провалиться на экзамене, горя из-за разрыва с возлюбленным, тирании чужого мнения, поиска смысла в приобретении знаний... Поставив проблему, он призывал на помощь Платона, Сенеку, Ницше, Шопенгауэра. Благодаря живости изложения великие философы неожиданно оказывались не занудами из университетского учебника, а близкими добрыми друзьями, способными дать полезный и утешительный совет.

В своих умных, приправленных юмором лекциях Мэтью не брезговал и так называемой поп-культурой. Фильм, песня, мультяк — все могло стать предлогом для философствования. Даже телесериалам нашлось место в его философском курсе. «Доктор Хаус» становился живым примером в разговоре об экспериментальном познании, робинзонада «Остаться в живых» давала повод порассуждать об общественном договоре, рекламщики из «Безумцев» помогали изучать эволюцию отношений между мужчиной и женщиной.

Но если «прагматическая философия» Мэтью сделала его звездой студгородка, то из-за нее же ревнивые коллеги всячески клевали его и называли верхоглядом. По счастью, высокие баллы, которые получали на экзаменах ученики Мэтью Шапиро, их успех на студенческих конкурсах свидетельствовали пока в его пользу.

Группа энтузиастов даже засняла его лекции и выложила на Ютьюб. Их инициатива привлекла

внимание одного журналиста из «Бостон Глоуб», и он написал о молодом преподавателе статью. Еще одна статья о нем появилась в «Нью-Йорк таймс», после чего Мэтью предложили создать «антиучебник» по философии. Он написал его. «Антиучебник» великолепно продавался, но популярность не вскружила голову Шапиро, он по-прежнему возился со своими студентами и заботился об их успехах. Однако светлая полоса вскоре сменилась черной. Следующей зимой Мэтью Шапиро потерял жену. Она погибла в автокатастрофе. Безвременная жестокая смерть угнетающе подействовала на философа. Он продолжал читать лекции, но увлеченность, которая воодушевляла всех, погасла, и лекции потускнели.

Эрика прищурилась, стараясь яснее рассмотреть преподавателя. Потеря надломила Мэтью. Черты его лица обострились, глаза погасли. Но траурная одежда, сумрачный взгляд, аура меланхолии еще опаснее для беззащитного девичьего сердца.

Девушка прикрыла глаза и замерла, слушая низкий, хорошо поставленный голос, который заполнял аудиторию. Голос, утративший энтузиазм, но сохранивший волшебное свойство — дарить уверенность в себе. Солнечные лучи лились через окна, согревая просторную аудиторию, светя в глаза средним рядам. Эрике стало так хорошо, так спокойно от умиротворяющих звуков бархатного голоса. Но каким коротким оказался светлый миг! Она вздрогнула от резкого звонка, возвестившего конец лекции. Не спеша стала складывать книги и тетради, дожидая-

ясь, чтобы аудитория опустела, и тогда робко подошла к преподавателю.

— Что вы тут делаете, Эрика? — удивился Мэтью, узнав ее. — Вы прекрасно сдали курс философии в прошлом году. Вам нечего делать на моих лекциях.

— Я пришла благодаря афоризму Хэлен Роуленд, который вы так часто цитировали.

Мэтью сдвинул брови, пытаясь вспомнить, какой именно из афоризмов имеет в виду девушка.

— «Больше всего мы сожалеем о тех безумствах, которые не совершили, когда была возможность». — Девушка призвала на помощь все свое мужество и продолжила: — Чтобы не сожалеть, я решила совершить безумство. В общем... В будущую субботу у меня день рождения, и я... я бы хотела... пригласить вас поужинать.

Глаза Мэтью слегка округлились от удивления, и он сразу же постарался вразумить свою ученицу:

— Вы же умница, Эрика, а значит, знаете сами все сто пятьдесят причин, по которым я откажусь принять ваше приглашение.

— Но не потому, что вам оно неприятно, правда же?

— Не настаивайте, прошу вас, — оборвал он ее.

Эрика вспыхнула, оробев, застыдившись, пробормотала несколько слов в свое оправдание и пошла к двери.

Мэтью вздохнул, надел пальто, завязал шарф и тоже вышел на улицу студгородка.

Зеленые газоны, красивые здания из темного кирпича с девизами, выведенными по-латыни на фронтонах, — неподвластный времени Гарвард был пронизан британским духом.

Выйдя за порог Север-холла, Мэтью закурил сигарету, закинул рюкзак за плечо и направился к Ярду, обширному двору-парку, откуда на километры разбегался лабиринт дорожек, ведущих к учебным корпусам, библиотекам, музеям, общежитиям.

Парк тонул в мягком осеннем свечении. Вот уже десять дней неожиданное для осени солнце дарило обитателям Новой Англии тепло бабьего лета, особенно отрадное в эту пору.

— Господин Шапиро! Отбейте мяч!

Мэтью повернул голову в сторону, откуда донесся голос. К нему летел футбольный мяч. Он ловко поймал его и отправил обратно к игрокам в кватербэк, которые его и окликнули.

На всех лавочках Ярда сидели студенты с открытыми ноутбуками на коленях. С лужаек доносился смех, всюду велись оживленные разговоры. Здесь как нигде ощущалось дружелюбие молодежи самых разных национальностей. Здесь соседство разных культур складывалось в богатство. Серый и бордовый, два цвета-фетиша знаменитого университета, мелькали на футболках, куртках, рюкзаках. Желание быть гарвардцами преодолеvalo различия.

Проходя мимо Массачусетс-холла, монументального здания в георгианском стиле, где располагалась дирекция и общежитие первокурсников, Мэтью опустил руку с сигаретой вниз. Но не тут-то было!

Мисс Мур, главная помощница ректора, стоявшая на ступеньках, сердито взглянула на преподавателя и призвала его к порядку: «Господин Шапиро! Сколько раз я должна вас предупредить, что курить в студгородке запрещено!» И присовокупила еще несколько слов о вреде табака.

Мэтью и не взглянул на нее. С неподвижным лицом прошел мимо. Он хотел было ответить, что умереть для него плевое дело, но сдержался. Еще несколько шагов, и он, миновав массивные ворота, вышел за ограду студгородка и очутился на Гарвард-сквере.

* * *

Сквер на самом деле был обширной, гудящей, как улей, площадью, занятой палатками, книжными магазинчиками, маленькими ресторанами и кафе с террасами, на которых сидели студенты и профессора, одни продолжая читать лекции, другие — переустраивать мир. Мэтью порылся в кармане и вытащил проездной. Он уже двинулся по пешеходной дорожке по направлению к станции метро, собираясь сесть на красную линию и через четверть часа быть в центре Бостона, как вдруг старенький «Шевроле Камаро»-купе ярко-красного цвета вылетел, фыркая, из-за угла Массачусетс-авеню и Пибоди-стрит. Молодой преподаватель резко отпрянул назад, чтобы не попасть под колеса автомобиля, что со скрежетом затормозил прямо перед ним.

Стекло опустилось, и Мэтью увидел перед собой русую гриву Эйприл Фергюсон, своей соседки. По-

сле смерти Кейт он стал сдавать верхний этаж своего дома.

— Хэлло, брюнет-красавчик! Подвезти?

Мотор «Камаро» оглушительно рычал в тихой заводи, где ездили в основном на велосипедах.

— Спасибо, отдаю предпочтение городскому транспорту, — отклонил Мэтью любезное предложение. — Ты гоняешь, будто играешь в «Жажду скорости».

— Да ладно! Брось свои пешеходные замашки! Я вожу отлично, и ты это знаешь!

— Не настаивай. Эмили уже лишилась матери. Не хочу оставить дочь сиротой в четыре с половиной года.

— Не преувеличивай! Давай влезай скорее, а то я тут все движение перегородила!

Подгоняемый со всех сторон яростными сигналами, Мэтью покорился и со вздохом упал на сиденье «Камаро».

Едва он успел застегнуть пояс безопасности, как «Камаро» вопреки всем правилам дорожного движения резко вильнул влево и помчался на бешеной скорости на север.

— Бостон в другую сторону, — успел сообщить Мэтью, схватившись за ручку дверцы.

— Мы на секунду смотаемся в Белмонт. Тут езды всего ничего. А за Эмили не беспокойся, я попросила няню посидеть еще часок.

— Не предупредив меня? Я же тебе говорил...

Молодая женщина снова нажала на акселератор, и они помчались так, что у Мэтью перехватило дыхание. Олимпийски спокойная Эйприл снисходи-

тельно покосилась на него и протянула картонную папку.

— У меня, кажется, появился покупатель на эстамп Утамаро, — объявила она. — Усек?

Эйприл была хозяйкой галереи в Соут-Энде, специализирующейся на эротическом искусстве. Женщина обладала поистине редким даром находить среди хлама неведомые шедевры и перепродавать их потом с немалой выгодой.

Мэтью начал с того, что освободил папку от резинок, а японский эстамп от кофточка из настоящего шифона, в которую он был завернут. Эстамп оказался шунгой¹ конца XVIII века, изображал куртизанку и ее клиента во время акта любви. Образец такой чувственной акробатики. Откровенность сцены смягчалась изысканностью рисунка и богатством тканей. Лицо гейши чаровало тонкостью и изяществом. Ничего удивительного, что такого рода гравюры так полюбились потом Климту и Пикассо.

— Ты уверена, что хочешь с ней расстаться?

— Я получила предложение, от которого не отказываются, — сообщила она голосом Марлона Брандо из «Крестного отца».

— Можно поинтересоваться, от кого?

— От крупного коллекционера-азиата. Он в Бостоне проездом, навещает дочь. Похоже, он готов совершить покупку, но в городе всего на один день. Такая возможность, как ты понимаешь, еще раз скоро не представится...

¹ Японская гравюра эротического содержания.